

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1(510)

DOI 10.37386/2305-4077-2026-1-63-80

© Н. Г. Михновец¹

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)*

© С. Лян²

*Российский государственный педагогический университет имени
А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия; Пекин, Китай)*

ИСТОРИЯ РЕЦЕПЦИИ ЧЕХОВСКОГО «ФУТЛЯРНОГО» ГЕРОЯ В КИТАЕ

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием современного литературоведения к специфике инационального понимания русской классики. В статье впервые сделан обзор рецепций героя рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» в китайской культуре XX-го и в первой четверти XXI столетия, предпринята и обоснована их периодизация. Описана история трансформаций в интерпретациях чеховского Беликова: от его сугубо идеологизированного понимания как реакционного консерватора (1950–1980-е гг.) к гуманистическому и экзистенциальному, но при сохранении идеологического компонента (1990–2020-е гг.); от восприятия Беликова как типичного образа к пониманию его индивидуальных особенностей. Указано, что представления о сатирическом изображении Беликова русским классиком сменились к концу XX в. вниманием интерпретаторов к разностороннему изображению героя и освещению писателем трагикомического и трагического в его жизни. Рассмотрен вопрос о роли советского и российского чеховедения в истории китайских интерпретаций, отдельное внимание уделено причинам, определившим большое значение работ В. В. Ермилова и Г. П. Бердникова в разные десятилетия (1960–1970-е гг.; 2015). Утверждается, что особая устойчивость «футлярного» героя в китайской рецепции определена рядом факторов, среди которых приоритетным является историко-культурный, обусловленный непреходящей актуальностью для культуры Китая XX – начала XXI вв. проблемы консерватизма и прогрессивного обновления.

¹ Надежда Геннадьевна Михновец – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской литературы РГПУ имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-0674-1964. E-mail: mikhnovets@yandex.ru.

² Сюээфэй Лян – аспирант РГПУ имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0009-0003-0325-1761. E-mail: L.xuefei@yandex.ru.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Человек в футляре», «футлярный» человек, Китай, идеология, консерватизм, рецепция, история, история чеховедения, В. В. Ермилов, Г. П. Бердников

Nadezhda G. Mikhnovets

Herzen Russian State Pedagogic University (Saint-Petersburg, Russia)

S. Lyan

*Herzen Russian State Pedagogic University
(Saint-Petersburg, Russia; Beijing, China)*

THE RECEPTION OF CHEKHOV'S «CASE» CHARACTER IN CHINA

The relevance of the research is due to the increased attention of modern literary criticism to the specifics of foreign understanding of Russian classics. For the first time, the article provides an overview of the reception of the hero of A. P. Chekhov's short story "The Man in the Case" in Chinese culture of the XXth century and in the first quarter of the XXIst century, and their periodization is undertaken and justified. The article describes the history of transformations in interpretations of the main character – Belikov: from his purely ideologized understanding as a reactionary conservative (1950s-1980s) to the humanistic and existential, but while maintaining the ideological component (1990-2020s); from the perception of Belikov as a typical image to the understanding of his individual characteristics. It is indicated that the ideas about the satirical portrayal of Belikov by the Russian classic were replaced by the end of the twentieth century by the attention of interpreters to the versatile portrayal of the hero and the writer's coverage of the tragicomic and tragic in his life. The issue of the role of Soviet and Russian studies of Chekhov's writings in the history of Chinese interpretations is considered, special attention is paid to the reasons that determined the great importance of the works of V. V. Ermilov and G. P. Berdnikov in different decades (1960 – 1970s; 2015). It is argued that the special stability of the "case" hero in the Chinese reception is determined by a number of factors, among which the priority is historical and cultural, due to the continuing relevance of the problem of conservatism and progressive renewal for the culture of China in the twentieth and early twenty-first centuries.

Keywords: A. P. Chekhov, "The Man in the Case", the "case" man, China, ideology, conservatism, reception, history, history of studies of Chekhov's writings, V. V. Yermilov, G. P. Berdnikov

Чеховский «футлярный» человек обрел особую устойчивость в китайской культуре XX-го и в начале XXI столетия. Рассказ «Человек в футляре» привлек к себе пристальное внимание переводчиков, писателей, литературоведов.

Чеховский рассказ был переведен на китайский язык несколько раз: трижды с английского языка под названиями «Человек в мешке» (1916, переводчики Чэнь Чзялинь и Чэнь Дачэн; ранее перевод с русского был осуществлен К. Гарнет), «Человек в футляре» (1923, переводчик Чжао Сичжан; 1923, переводчик Чжао Цзиншэн) и последний раз с русского (1953, переводчик Жу Лун). Со временем был совершен переход от свободного к дословному переводу.

В китайской литературе появились художественные произведения Лу Синя «А Кью» (1921), Чжан Тяньи «Господин Хуа Вэй» (1938), Цзя Пинвы «Вечернее пение» (1981), откликнувшиеся на чеховский рассказ «Человек в футляре».

В 2005 г. исследователь Ян Кай разработал периодизацию критических откликов и исследований чеховского творчества в Китае. Первый этап начался, по его сведениям, с момента появления произведений Чехова в Китае в 1907 г. и продлился до широкого признания творчества писателя в 1949 г. Второй этап охватывал годы с 1950-го по 1979-й, начало ему положено основанием Китайской Народной Республики (1949). Значимым событием на третьем этапе (1980–1989) стало издание 12-томного «Собрания сочинений Чехова». Одновременно было опубликовано много исследовательских работ. Во время четвертого этапа (1990–2003) количество чеховедческих исследований сократилось, однако охват чеховских текстов стал шире, а состав подходов к ним и методов их исследования пополнился [Ян Кай, 2005, с. 62].

На втором этапе исследователи в первую очередь были сосредоточены на анализе образов персонажей в таких широко известных в Китае чеховских рассказах, как «Хамелеон», «Ванька», «Тоска», «Человек в футляре». Рассказ «Человек в футляре» впервые стал предметом специального внимания, и было опубликовано несколько статей: «Чтение рассказа Чехова “Человек в футляре”» Хе Цзяхуа (1954), «Не статья “Человеком в футляре”» Цзянь Шэна (1959), «Чтение рассказа “Человек в футляре”» Ли Пани (1964).

С момента образования Китайской Народной Республики особое значение обрели представления, в силу которых новые идеи должны были определять общественную жизнь, а консервативные – отброшены. Консерватизм воспринимался как исключительно реакционный и осмыслялся критически. В сложившейся культурной ситуации Китая именно чеховское творчество ответило этой идеологии, оно «порождало стремление китайских читателей понимать жизнь и критиковать старое общество» [Мао Дунь, 1960, с. 4–5]. Рассказ «Человек в футляре» обрел особую актуальность, он прочитывался и оценивался с позиций революционного времени, принесшего с собой коренные преобразования в жизнь китайского социума.

В 1954 г. Хе Цзяхуай, исходя из установок марксистского литературоведения, охарактеризовал Беликова как *типичного*³ представителя русской интеллигенции конца XIX в. Он утверждал: «Неспособность Беликова изменить свои привычки и мысли не потому, что у него нет сил на любовь и жизнь, а потому, что он *не может преодолеть свои классовые ограничения*, и из-за своей слабости и робости, он *не может сопротивляться* и по-настоящему принимать любовь и жизнь. Такие люди, как Беликов, обречены на гибель» [Хе Цзяхуай, 1954, с. 8]⁴. Хе Цзяхуай полагал, что чтение этого рассказа не только поможет современному китайскому читателю представить российское общество времен упадка, но и самим избавиться от устаревшего образа жизни. Такая трактовка чеховского героя была продиктована временем строительства социализма.

На втором этапе освоения чеховского творчества большое влияние на китайскую рецепцию оказали труды В. В. Ермилова. В 1960 г. в Китае были переведены и опубликованы его книги «Чехов» (1-е изд.-е. М., 1946. Серия «Жизнь замечательных людей») и «Драматургия Чехова» (1-е изд.-е. М., 1948).

Современный чеховед В. С. Зайцев уверен, что в СССР В. В. Ермилов в середине XX в. способствовал «революционизации и большевизации чеховских общественно-политических взглядов» [Зайцев, 2022, с. 539]. По сравнению со своими советскими предшественниками именно он добился «“оптимальных” пропорций в артикуляции чеховской “революционности” и вытекавшей из нее актуальности» [Зайцев, 2022, с. 541].

В. В. Ермилов, интерпретируя рассказ «Человек в футляре», критиковал консервативное и репрессивное общество царской России. Чеховед назвал Беликова «мертвецом», живущим в гробу, и отослал к высказываниям В. И. Ленина и И. В. Сталина, негативно оценивших героя и использовавших его имя как нарицательное. Сам же рассказ, по В. В. Ермилову, «замечателен всей своей поэтической атмосферой, предчувствием свободы» [Ермилов, 1951, с. 313]. Показательно, что анализ этого чеховского произведения он поместил в главу под названием «Счастье – в будущем!». В целом это отвечало китайским представлениям первой половины XX в., в силу которых литература должна реалистично отражать социальную реальность, уделять внимание прогрессивным социальным изменениям, способствующим улучшению жизни человека, и иметь воспитательное значение. Немаловажно и то, что В. В. Ермилов рассматривал чеховского героя как символ консерватизма, страха перед жизнью и переменами,

³ Курсив здесь и далее наш. Н.М., С.Л.

⁴ Перевод с китайского здесь и ниже осуществлен С. Лян.

и это вполне соотносилось с распространённой в китайской литературе практикой создания типичных образов, вполне понятных тогдашним читателям.

Однако при этом труды В. В. Ермилова не отвечали другому запросу: китайских критиков с самого начала вхождения чеховского рассказа в исследовательское поле интересовала новаторская поэтика прозы Чехова, чему советский автор практически не уделял внимания. Кроме того в связи с каждым из этапов освоения творческого наследия Чехова надо учитывать, что китайские критики и ученые, ориентируясь на зарубежные научные достижения (в данном случае советские), опирались, тем не менее, на реалии своей страны и способствовали органичному вхождению инокультурных представлений в ее традиционную культуру и современную социальную практику.

С начала 1950-х гг. до 1980-х гг. трактовка чеховского творчества в Китае *стандартизируется*, а рассказ «Человек в футляре» входит в небольшой свод текстов писателя, интерпретация которых способствует этому процессу. Примечательно, что понимание чеховского персонажа как представителя реакционных сил официально закрепляется на последующие десятилетия учебниками для средней и высшей школы. В 1980-х гг. китайское издательство «Внутренняя Монголия» опубликовало книгу «Оценка иностранной литературы в китайской средней школе», в которой включен раздел, посвященный рассказу «Человек в футляре». Беликов был представлен в нем как «типичный образ декадентского, консервативного, вульгарного буржуазного интеллигента» [Лэй Чэндэ, 1980, с. 194]. В учебнике «Курс иностранной литературы» сказано, что Беликов – «типичный образ реакционного интеллигента, который упорно консервативен, ненавидит все реформы, выступает против новых тенденций и привязан к правящему классу» [Ван Чунсян, Сун Иньчжань, Пэн Дуаньчжи, 1985, с. 7]. И можно продолжить перечень учебников, авторы которых придерживались подобной позиции. Китайские авторы писали о *сатирическом* освещении Беликова русским писателем, к особенностям чеховского изображения персонажа причисляли «разоблачение», «упрек», «высмеивание» и «сарказм».

С 1960-х гг. и до конца 1980-х, в десятилетия охлаждения в советско-китайских отношениях, китайские ученые продолжали определять Беликова как защитника официальной власти и доносчика. Исследователь Лу Фэн видит в Беликове «посла уродливого общества под властью темного самодержавия царской России» [Лу Фэн, 1979, с. 75]. В качестве типичного представителя консервативных сил чеховский герой неоднократно представал в исключительно негативном свете.

Такое видение созвучно официальной тенденции послевоенного чеховедения в СССР (условно говоря, до времени публикации монографии А. П. Чудакова «Поэтика Чехова», 1971), когда Чехова старались вписать «в догмы истории общественной мысли, сделать его полноправным предшественником советской литературы» [Степанов, 2021, с. 680]. В данном случае речь, безусловно, не касается трудов 1940–1960-х гг. выдающихся советских чеховедов А. П. Скафтымова, Г. А. Бялого, В. Б. Катаева, др.

В настоящее время чеховский рассказ «Человек в футляре» хорошо известен в Китае, в переводе Жу Луна он включен в учебники китайского языка для средней школы. Устойчивость чеховского рассказа «Человек в футляре» определена тем, что он напрямую соотносится с магистральными для китайской культуры XX и начала XXI вв. проблемами – консерватизма и прогрессивного обновления. Уникальность культурной ситуации заключается в том, что в пределах столетия, небольшого с исторической точки зрения времени, в Китае было предпринято несколько резких разворотов в идеологическом и социально-экономическом развитии, свершались коренные перемены во всех сферах жизни. На протяжении десятилетий чеховский герой осмысливается критиками и исследователями в контексте решительных перемен китайской жизни, неуклонно преодолевающей свой многовековой консерватизм и открывающейся внешнему миру.

В таком историко-культурном контексте и понятен факт, что в «Китайской энциклопедии» (1993) творчество Чехова по-прежнему определено как выражение бунта против несправедливо устроенного общества, а в исследовательской статье в 1995 г. чеховский Беликов однозначно охарактеризован как «пособник реакционной силы» [Чэнь Дунь, 1995, с. 358].

Однако очевидна и другая тенденция: в критике 1990-х гг. наметились существенные перемены в понимании «футлярного» человека. Проблемно-тематическое поле чеховского рассказа постепенно реструктурируется исследователями: на первый план выходят такие темы, как «власть и человек», «маленький человек» как простой и страдающий от внешнего воздействия человек, «жертва», «страх», «отчуждение», «власть человека над другими людьми». Так начинается совершенно новый этап в осмыслении Беликова.

Знаковым событием стала статья Ли Чэньмина «Современное восприятие чеховской прозы», опубликованная в 1995 г. Автор считает, что «Чехов точнее других выразил разочарование русской интеллигенции конца XIX века

в мрачной социальной реальности... Это разочарование и ощущение небытия он назвал “болезнью”, которая была не болезнью человеческого организма, но “болезнью века”, возникшей в конкретных исторических условиях России в XIX веке» [Ли Чэньминь, 1995, с. 89]. Примечательно, что между «болезнью» конкретного социума и «болезнью» человека проведена вполне отчетливая грань.

Тема консерватизма теперь осложняется темой «власть и человек», в которой акцент впервые ставится на ценности человека как личности. Это вписывается в меняющийся историко-культурный контекст, обусловленный продолжающимся развитием и обогащением социалистической идеологии современного Китая.

Закономерно, что излишне идеологизированный подход В. В. Ермилова к чеховскому творчеству утрачивает свою значимость для китайских критиков и исследователей. После реформ и открытости Китая они постепенно отходят от дискурса классовой борьбы, и молодое поколение учёных и читателей дистанцируется от политизированных интерпретаций, полагая, что они препятствуют пониманию чеховского текста, имеющего открытую смысловую структуру.

В 1980–1990-е гг. появились работы, призывающие коренным образом пересмотреть традиционное понимание «футлярного» человека. По мнению Хан Фаляна, Беликов относится к «буржуазной интеллигенции, полностью подавленной консервативным правлением царской России, крайний эгоизм царского правления сформировал его консервативный и трусливый характер, сделав его мерзким маленьким человеком, который бессознательно поддерживал старый порядок и выступал против всех социальных изменений» [Хан Фалян, 1999, с. 37]. Человек, согласно этой интерпретации, полностью подавлен властью, именно она формирует его «консервативный и трусливый» характер. Однако наиболее интересно в этой тираде определение действий персонажа как бессознательных.

Другой исследователь, Юй Цюйи, относится к Беликову как к бедняге, который *не может не поддерживать власть* и только в силу этого следует за реакционным правлением. Интерпретаторы начинают воспринимать Беликова как *жертву* царского самодержавия и относят его к преследуемой и жалкой мещанской интеллигенции [Юй Цюйи, 1994, с. 57–58]. В китайской рецепции впервые появилось сочувствие к чеховскому герою: Беликов страдает от репрессивной государственной системы.

В процитированном выше тексте сказано о «мерзком маленьком человеке, который бессознательно поддерживал старый порядок и выступал против всех социальных изменений». В дальнейшем постепенно меняется смысловой объем понятия «маленький человек». Беликов начинает рассматриваться как простой человек, который вынужденно защищает себя и не имеет ни малейшего намерения причинять вред другим. Беликов – «не “сановник” в чиновничьем аппарате, не лицо, принимающее решения в руководящем органе, а всего лишь маленький человек, который учит гимназистов греческому языку» [Цянь Чжихуа, Се Хуанань, 1998, с. 8]. Лю Бокуй считает, что этот герой не был поборником старой системы, он только был «жалким и мучающимся маленьким человеком» [Лю Бокуй, 1986, с. 415]. Впервые жизнь Беликова понимается как мучительная, а сам герой как трагикомический и трагический.

В 1990-е гг. Беликов был «реабилитирован», исследователи стали отвергать такие характеристики, как «служитель и приспешник власти». Джан Дакэй остроумно замечает, что прежнее понимание не выдерживает критики: настоящий «поборник», «приспешник» не умрет от чьей-то насмешки. Ученый пишет, что «Беликов является жертвой, находящейся в полной растерянности, смешным презренным жалким психом, который не осознал, что притеснять других означает быть притесняемым кем-то еще» [Джан Дакай, 1993, с. 10]. Подчеркнем новый оттенок в характеристике чеховского героя: теперь он выглядит растерянным и смешным, сам начинает притеснять, включаясь тем самым в порочный и замкнутый круг. В конце статьи автор заявляет: невозможно на основании одного высказывания или поступка причислить героя к представителям определенного типа. Как только подобное будет сделано, то и все остальное, относящееся не к нему, но к определенному типу, будет приписано и герою. Однако Джан Дакэй уверен, что подобная логика ведет к скатыванию в пучину вульгарной социологии. Другими словами, он отказывается подводить героя под определенный тип и призывает индивидуализировать явление.

К концу XX столетия в контексте сложных процессов, разворачивающихся в динамично меняющемся китайском мире, на первый план выходят вопросы онтологии и проблема человеческого существования. Ли Цзябао считает, что «творчество Чехова во многих аспектах прорвало барьеры традиционного реализма, особенно в способах отражения реальной жизни: он сосредоточился не на подражании ей, а на выходе за пределы конкретного мира, поиске метафизической истины и реализации, показав современное сознание» [Ли Цзябао, 2002, с. 108]. Исследование Ли Цзябао призывает уйти от

представлений о реализме Чехова как подражании реальной жизни: русский автор размыкает круг социальных проблем и преодолевает представления о социальном детерминизме, писатель в процессе постижения метафизической сферы Бытия познает специфику современного человека.

В современном российском чеховедении нарастает интерес к творчеству А. П. Чехова в экзистенциальном плане, о чем свидетельствуют докторская диссертация Т. Б. Зайцевой «Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор)» (2015), монография А. С. Собенникова «Творчество А. П. Чехова: пол, гендер, экзистенция» (2021) и др. Китайские исследователи тоже начинают рассматривать чеховского «футлярного» человека в экзистенциальной перспективе, и они выходят к осмыслению темы *страха*.

Утверждается, что Беликов – это «маленький человек», который отчужден от других из-за страха. По мнению исследователей, герой «боится нынешнего порядка, правительства и сложившихся традиций, и именно этот *страх заставил его бежать от общества. Бегство от реальности* само по себе есть угодничанье перед существующим порядком, сложившимися традициям и их официальными представителями, он сознательно или бессознательно стремится поддерживать эти порядки, традиции. Именно этот страх, бегство, подчинение и поддержка сформировали психологию рабства» [Цянь Лицунь, Сунь Шаочжэнь, Ван Фужень, 2010, с. 352]. Парадокс, по их мнению, состоит в том, что, с одной стороны, герой, задавленный страхом, бежит от общества и тем самым отчуждается от реальности, а с другой, этим же и служит неколебимости существующего порядка и, более того, способствует распространению его власти на других.

В 1984 г. Чжу Исэнь, профессор Восточно-Китайского педагогического университета, перевел монографию «А. П. Чехов и его время» (1980) А. М. Туркова, и в 1991 г. «Записные книжки Чехова» З. Паперного (1976). Примечательны следующие заявления этих советских исследователей: в рассказе «Человек в футляре» говорится «о футляре как символе неспособности к жизни, страха перед ней, запугивания всех живущих» [Паперный, 1976, с. 279]; чеховский герой «в своем страхе перед жизнью агрессивен. Он панически *наступает* на нее, на всё живое» [Турков, 1980, с. 297]. Очевидно, что в работах последних лет советской истории усиливается тема агрессивного воздействия Беликова на окружающих, однако в китайских работах эта тема не была подхвачена ни в восьмидесятые годы, ни позднее.

В первую четверть XXI столетия в китайской критике продолжают появляться новые тенденции, отличающиеся разнообразием. Чеховский рассказ теперь рассматривается в контексте модернизма («“Человек в футляре” и символизм» Ма Вэйхуа, 2001; «Символизм рассказа Чехова “Человек в футляре”» Не Вэйдун и Сунь Фэнбо, 2014). Расширяются представления о Беликове как «футлярном» человеке («Трагедия жизни: Чехов и образ “маленького человека” в современном Китае» Лю Янь, 2003). Изучаются явления абсурда и сатиры в рассказе Чехова («Абсурд в чеховских рассказах» Сюй Шусян, 2007; «Сатира в “Человеке в футляре”» Ван Цзюани, 2011). Современные китайские исследования литературы широко усвоили западные теории структурализма, нарратологии и пр. К работам по поэтике относится, к примеру, статья «Новое исследование особенностей нарратива в тематическом плане “Человек в футляре”» Цзу Госун (2007). Выявляется актуальность «футлярного» героя для современного Китая («Современное сознание в рассказе “Человек в футляре” Чехова» Ань Чуньхуа, 2009); «О факторе современности характера Беликова и его значения» Дэн Сяоли, 2010). В последнее время предлагается пересмотреть устоявшиеся в методике преподавания иностранной литературы представления («Три лица, крупный план эпохи: новый взгляд на преподавание избранных текстов на примере “Человек в футляре”» Чжу Линь и Фэн Хунмэй, 2019).

Остановимся, к примеру, на одной из работ, в которой Беликов осмысливается в свете фрейдизма («Причины становления личности Беликова с позиций теории Фрейда» Ян Хуа, 2004). Ян Хуа трактуя характер Беликова, как бы соединяет традиционное идеологическое понимание чеховского героя с интерпретацией в духе психоанализа. Беликов, по ее мнению, был «типичным образцом реакционной интеллигенции, воспитанной в специфической исторической среде России конца XIX века, упрямым защитником самодержавной системы, в которой одновременно сосуществовали старомодный и ревностный, робкий и провокационный, съезживающийся и любопытный, боящийся и вредный характер» [Ян Хуа, 2004, с. 59]. Согласно Ян Хуа, причины психопатии Беликова не следует списывать исключительно на государственную систему определенного исторического времени, необходимо учитывать и уникальные психологические изменения, происходящие с самим персонажем.

В конце XX столетия и в первой четверти нового еще остается понимание чеховского персонажа как слугителя и приспешника реакционных сил, Беликов все еще подлежит отрицательной оценке (напомним, что в школьных и вузовских учебниках заданный для его понимания стандарт сохраняется).

Идеологическая трактовка образа не снята до настоящего времени. Это, как представляется, обусловлено непреходящей для Китая актуальностью проблемы консерватизма и прогрессивного обновления. Казалось бы, подобная интерпретация со временем как бы отступает на периферию, сохраняя, с одной стороны, свою устойчивость, а с другой, допуская другие интерпретации. Однако ситуация не столь однозначна.

В 2015 г. в Китае впервые появился перевод монографии Г. П. Бердникова «А. П. Чехов. Идеи и творческие искания» (М., 1961) (переводчик Чжу Исэнь). Состоялся своего рода возврат к 1960-м гг., к работам В. В. Ермилова: в свое время Г. П. Бердников во многом следовал этому ученому. Бердниковские интерпретации, с точки зрения современного чеховеда А. Д. Степанова, «более чем традиционны, они исходят из представлений о когерентных, завершенных, цельных, неизбыточных текстах с четко выраженным ценностным центром (который, собственно, и эксплицировался советскими концепциями)» [Степанов, 2021, с. 692]. В. С. Зайцев констатирует, что в России первой четверти XXI столетия Г. П. Бердников уже не имеет былого авторитета, он «котируется как партийный функционер от литературоведения, а его творчество воспринимается и трактуется как идеологически нагруженное и неактуальное» [Зайцев, 2024, с. 1369]. Очевидно, что монография Г. П. Бердникова утратила свою актуальность в современной России.

Вместе с тем В. С. Зайцев отказывается рассматривать книгу Г. П. Бердникова как исключительно конъюнктурно-марксистское исследование. Современный ученый подчеркивает: «одно из существенных свойств марксистского подхода к литературе – историзм». И небезосновательно (в связи с последними десятилетиями) жалеет, что многие современные исследования, посвященные творчеству А. П. Чехова «лишены» «конструктивного» историзма [Зайцев, 2024, с. 1371]. В. С. Зайцев в данном случае имеет в виду работы «интерпретаторов-интертекстуалистов, филологов-постструктуралистов, постмодернистов и экзистенциалистов». По его мнению, эти ученые предпочитают «помещать объект своего исследования в *историко-политический вакуум*, питательная среда которого способна соотноситься с *любыми трактовками* как чеховского творчества в целом, так и отдельных произведений» [Зайцев, 2024, с. 1371]. Исходя именно из такого контекста, он призывает отказаться от сугубо критической оценки бердниковского труда, вычленив в нем убедительное и не утратившее значение в настоящее время. В этом случае чеховед имеет в виду то, что в работе советского исследователя отвечает «конструктивному» историзму.

Опасность уйти от историко-культурного контекста не избежали отдельные китайские ученые в первой четверти XXI в., вместе с тем принцип историзма, распространенный в прежние десятилетия, все-таки не утратил свои позиции в критике и литературоведении Китая до сегодняшнего дня. Допускаем, что именно это объясняет факт публикации в современном Китае монографии Г. П. Бердникова.

В более широкой перспективе за этим, как представляется, стоит стремление создать и удержать равновесие в трактовке чеховского произведения и героя. Показательно, что в 2016 г. исследователь Хэ Дань заявляет: если мы хотим осуществить разностороннюю интерпретацию этого рассказа, то нельзя заострить внимание на одном и упустить другое, иначе мы будем «превращать интерпретацию из крайности социальной критики в крайность критики культуры и человеческой природы» [Хэ Дань, 2016, с. 15].

Интерес к чеховскому рассказу «Человек в футляре» отличает не только китайское общество, чеховскому рассказу в последние тридцать лет были посвящены многочисленные российские исследования: И. И. Докучаева («Футлярный мир» и царство смысла (рассказ А. П. Чехова “Человек в футляре”)), 1997), В. Н. Шацева («Античный фон “маленькой трилогии” А. П. Чехова», 2012), И. Булкиной («Карикатура: “Человек в футляре” А. П. Чехова и “школьный классицизм” графа Д. А. Толстого», 2013), др.

В эти же десятилетия активно развивается китайская русистика, которая знакомит общество с чрезвычайно активно и успешно развивающимся чеховедением современной России. Чеховедческие работы чаще всего представляются в сокращенном виде, но при этом сохраняются их ключевые идеи. Трактовка В. Б. Катаевым рассказа «Человек в футляре», заметим, хорошо известна в современном китайском чеховедении.

Вместе с тем, с другой стороны, обратимся к одному примеру, свидетельствующему об отличии в тенденциях интерпретаций чеховского героя представителями разных культур в первой четверти XXI столетия. В русско-американской рецепции рассказа «Человек в футляре» сделан следующий шаг в осмыслении тем «человек и власть» и «маленький человек». В 2005 г. М. Эпштейн опубликовал в журнале «Вопросы литературы» статью «Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова», где пишет: «В том и состояло художественное открытие Чехова, что в маленьком человеке, которого было принято по-христиански жалеть или гуманистически защищать от общественного гнета и неравенства, он обнаруживает *социально опасный тип*, который

подравнивает всех под свою малость и превращает ее в знак гражданской благонадежности» [Эпштейн, 2005, с. 199]. Высказывание свидетельствует: на смену «гуманистическому» этапу в истории рецепции чеховского героя, когда он вызывает жалость и сочувствие, приходит другой: от героя исходит почти смертоносная *опасность* – он не только поддерживает реакционное общество и стремится расширить свою власть на окружающих, но и «подравнивает» их под свою собственную убогость, «малость». В статье 2025 г. А. К. Жолковский поддержал эту тему, говоря о «мутации “маленького человека”, жертвы (underdog) во властителя, мучителя (top dog)» [Жолковский, 2025, с. 14]. Однако подчеркнем: в современной китайской рецепции подобная тенденция – ставить акцент на пагубности безграничной власти, которую может обрести обезличенный «маленький человек» над окружающими, – не проявляется.

Подведем итоги. Политическая обстановка определенного исторического этапа в развитии Китая, ведущая идеология конкретного периода, а также насущная необходимость понимать человека в свете проблем его индивидуального существования, заявившая себя в гуманитарной сфере конца XX в., – оказывают непосредственное влияние на характер интерпретации литературного героя. Интенсивность историко-культурных перемен в Китае обуславливает изменения в сфере приоритетов. На смену сугубо идеологической трактовке Беликова как реакционного консерватора приходит гуманистическая, настаивающая на ценности человеческой личности. Рассматривается экзистенциальная тема «страх жизни». Чеховский герой перестает пониматься в рамках определенного типа и начинает осмысляться как индивидуально-неповторимое явление. Идеологическое прочтение образа, утратившее свою острую актуальность, сохраняет, тем не менее, свою устойчивость. Представления о создании Чеховым сатирического образа сменяются размышлениями о разностороннем изображении героя и освещении писателем трагикомического и трагического в его жизни.

Согласно этому происходит смена исследовательских подходов к чеховскому персонажу и методов: за социологическим следуют сравнительно-исторический и структурно-семиотический, заявляют себя тенденции психоаналитического и философско-эстетического подходов. При этом на протяжении десятилетий не утрачивает свою значимость принцип историзма.

История рецепции чеховского персонажа в XX – первой четверти XXI столетия свидетельствует: Беликов претендует на статус «вечного героя». В истории чеховедения СССР – России и Китая прослеживается определенная общность: проблемно-тематическое поле, в котором находится чеховский

персонаж Беликов, неизменно включает в свой мейнстрим масштабные темы и проблемы – консерватизма и прогрессивного развития, человека и власти, современного человека как «футлярного». Специфика китайской рецепции заключается в приоритетном, последовательном и углубленном осмыслении проблемы консерватизма и прогрессивного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ермилов, В. В.** Чехов / В. В. Ермилов. – Москва: Молодая гвардия, 1951. Изд-е 3-е. – 432 с.
2. **Жолковский, А. К.** Человек в футляре: лабиринты сцеплений, плетение словес / А. К. Жолковский // Вопросы литературы. – 2025. – № 4. – С. 13–38.
3. **Зайцев, В. С.** Товарищ Чехов: очерки по истории советского чеховедения 1920–1950-х годов / В. С. Зайцев. – Москва: Литературный музей, 2022. – 608 с.
4. **Зайцев, В. С.** Г. П. Бердников как чеховед: к вопросу о литературоведческих репутациях и о марксистском литературоведении / В. С. Зайцев // Вестник Удмурдского университета. Серия История и филология. – 2024. – № 6 (34). – С. 1369–1378.
5. **Паперный, З.** Записные книжки Чехова / З. Паперный. – Москва: Советский писатель, 1976. – 391 с.
6. **Степанов, А. Д.** От поэта безвременья к буревестнику революции: метаморфозы рецепции Чехова / А. Д. Степанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 680–696.
7. **Турков, А. М.** А. П. Чехов и его время / А. М. Турков. – Москва: Художественная литература, 1980. – 408 с.
8. **Эпштейн, М. Н.** Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина – Беликова / М. Н. Эпштейн // Вопросы литературы. – 2005. – № 6. – С. 193–203.
9. 王忠祥、宋寅展、彭端智等. 外国文学教程[M]. 长沙: 湖南教育出版社, 1985: 630. [**Ван Чжунсян, Сун Иньчжань, Пэн Дуаньжи** и другие. Курс иностранной литературы. – Чанша: Изд-во образования Хунани, 1985. – 630 с.].
10. 章大开. 应该给别里科夫平反[J]. 语文学习. 1993, 12: 8 – 10. [**Джан Дакай**. Должны реабилитировать Беликова // Изучение филологии. – 1993. – № 12. – С. 8–10].
11. 李家宝. 走出传统的契诃夫[J]. 中南民族大学学报 (人文社会科学版), 2002, 22 (4): 108–111. [**Ли Цзябао**. Чехов, порвавший с традицией // Вестник Южно-Центрального университета национальностей (Изд-е по гуманитарным и социальным наукам). – 2002. – № 4 (22). – С. 108–111].

12. 李辰民. 契诃夫小说的现代意识[J]. 外国文学评论, 1995, 1: 87 – 95. [Ли Чэньминь. Современное сознание чеховской прозы // Зарубежная литературная критика. – 1995. – № 1. – С. 87–95].

13. 鲁锋. 一幅沙俄专制社会生活的图画 – 《装在套子里的人》赏析[J]. 山东师大学报, 1979, 10: 73–75. [Лу Фэн. Картина из жизни царско-российского самодержавного общества – оценка «человека в футляре» // Вестник Шаньдунского педагогического института. – 1979. – № 10. – С. 73–75].

14. 雷成德. 中学语文外国文学作品欣赏[M]. 呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 1980:194. [Лэй Чэндэ. Оценка иностранной литературы в китайской средней школе. – Хух-Хото: изд-во образования Внутренней Монголии, 1980. – 194 с.].

15. 刘伯奎. 俄罗斯文学讲座: 经典作家与作品 (上) [D]. 曾思艺主编, 北京师范大学出版社, 1986:1076. [Лю Бокуй. Лекция по русской литературе: классические писатели и произведения / под ред. Цзэн Си. Т. 1. – Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 1986. – 1076 с.].

16. 茅盾. 伟大的现实主义者契诃夫—在首都各界纪念世界文化名人契诃夫大会上的讲话[J]. 戏剧报, 1960, 3: 4–5. [Мао Дунь. Чехов, великий реалист. Речь на столичном съезде в память о Чехове, мировой культурной личности // Драма. – 1960. – № 4. – С. 4–5].

17. 韩法良. 《套中人》新辩[J]. 开封大学学报, 1999, 13(1): 34 – 38. [Хан Фалиан. Новая критика о «человеке в футляре» // Вестник университета Кайфэна. – 1999. № 1 (13). – С. 34–38].

18. 何丹. □诃夫《装在套子里的人》文本接受研究[D]. 福建: 福建师范大学. 2016: 72. [Хэ Дань. Исследование восприятия текста «Человек в футляре» Чехова: специальность: 44.04.01 «Преподавание китайского языка в средней школе»: диссертация на соискание степени магистра педагогики / Хэ Дань. – Фуцзянь, 2016. – 72 с.].

19. 何家槐. 读契诃夫《套中人》[J]. 语文学习, 1954: 6 –13. [Хэ Цзяхуай. Чтение «Человека в футляре» Чехова // Изучение филологии. – 1954. – № 8. – С. 6–13.]

20. 钱志华, 谢华南. 《装在套子里的人》主题探幽[J]. 中学语文通讯, 1985, 11: 8–9. [Цянь Чжихуа, Се Хуанань. Анализ темы «человек в футляре» // Языковая переписка в средней школе, 1998. – № 11. – С. 8–9].

21. 钱理群、孙绍振、王富仁. 解读语文[M]. 福州: 福建人民出版社, 2010: 448. [Цянь Лицунь, Сунь Шаочжэнь, Ван Фужень. Интерпретация филологии. – Фучжоу: Народное издательство Фуцзянь, 2010. – 448 с.].

22. 陈惇等. 外国文学史纲要[M]. 北京: 北京师范大学出版社, 1995: 453. [Чэнь Дунь. Очерк истории зарубежной литературы. – Пекин: издательство Пекинского педагогического университета, 1995. – 453 с.].

23. 于璩毅. 别里科夫悲剧性格辨析[J]. 黑龙江教育学院学报, 1994. 4: 57–60. [Юй Цюйи. Анализ трагического характера Беликова // Вестник университета образования Хэйлунцзяна. – 1994. – № 4. – С. 57–60].

24. 杨凯. 中国的契诃夫研究[J]. 载于重庆大学学报(社会科学版), 2005, 11(6): 60–65. [Ян Кай. Исследование произведений Чехова в Китае // Вестник Чунцинского университета (Издание социальных наук). – 2005. – № 6(11). – С. 60–65].

25. 杨华. 以佛式学说探索别里科夫性格形成原因[J]. 贵州教育学院学报(社会科学). 2004, 6: 50–61. [Ян Хуа. Изучение причин характера Беликова с помощью учения Фрейда // Вестник государственного педагогического института Гуйчжоу (Серия «Социология и наука»). – 2004. – № 6. – С. 50–61].

REFERENCES

1. E`pshtejn, M. N. Malen`kij chelovek v futlyare: sindrom Bashmachkina – Belikova / M. N. E`pshtejn // Voprosy` literatury`. – 2005. – № 6. – S. 193–203.

2. Ermilov, V. V. Chexov / V. V. Ermilov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1951. Izd-e 3-e. – 432 s.

3. Paperny`j, Z. Zapisny`e knizhki Chexova / Z. Paperny`j. – Moskva: Sovetskij pisatel`, 1976. – 391 s.

4. Stepanov, A. D. Ot poe`ta bezvremen`ya k burevestniku revolyucii: metamorfozy` recepcii Chexova / A. D. Stepanov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. – 2021. – T. 18. – № 4. – S. 680–696.

5. Turkov, A. M. A. P. Chexov i ego vremena / A. M. Turkov. – Moskva: Xudozhestvennaya literatura, 1980. – 408 s.

6. Zajcev, V. S. G. P. Berdnikov kak chexoved: k voprosu o literaturovedcheskix reputacijax i o marksistskom literaturovedenii / V. S. Zajcev // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. – 2024. – № 6 (34). – S. 1369–1378.

7. Zajcev, V. S. Tovarishh Chexov: ocherki po istorii sovetskogo chexovedeniya 1920–1950-x godov / V. S. Zajcev. – Moskva: Literaturny`j muzej, 2022. – 608 s.

8. Zholkovskij, A. K. Chelovek v futlyare: labirinty` sceplenij, platenie sloves / A. K. Zholkovskij // Voprosy` literatury`. – 2025. – № 4. – S. 13–38.

9. 王忠祥、宋寅展、彭端智等. 外国文学教程[M]. 长沙: 湖南教育出版社, 1985: 630. [Van Chzhunhsyan, Sun In`chzhan`, Pen Duan`chzhi i dr. Kurs inostrannoy literatury. – Chansha: Izd-vo obrazovaniya Khunani, 1985. – 630 s.].

10. 章大开. 应该给别里科夫平反[J]. 语文学学习, 1993, 12: 8–10. [**Dzhan Dakay**. Dolzhny rehabilitirovat' Belikova // Izucheniye filologii. – 1993. – № 12. – S. 8–10].
11. 李家宝. 走出传统的契诃夫[J]. 中南民族大学学报(人文社会科学版), 2002, 22 (4): 108–111. [**Li Tszyabao**. Chekhov, porvavshiy s traditsiyey // Vestnik Yuzhno-Tsentral'nogo universiteta natsional'nostey (Izd-e po gumanitarnym i sotsial'nym naukam). – 2002. – № 4 (22). – S. 108–111].
12. 李辰民. 契诃夫小说的现代意识[J]. 外国文学评论, 1995, 1: 87–95. [**Li Chen'min'**. Sovremennoye soznaniye chekhovskoy prozy // Zarubezhnaya literaturnaya kritika. – 1995. – № 1. – S. 87–95].
13. 鲁锋. 一幅沙俄专制社会生活的图画 – 《装在套子里的人》赏析[J]. 山东师大学报, 1979, 10: 73–75. [**Lu Fen**. Kartina iz zhizni tsarsko-rossiyskogo samoderzhavnogo obshchestva – otsenka «cheloveka v futlyare» // Vestnik Shan'dun'skogo pedagogicheskogo instituta. – 1979. – № 10. – S. 73–75].
14. 雷成德. 中学语文外国文学作品欣赏[M]. 呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 1980:194. [**Ley Chende**. Otsenka inostrannoy literatury v kitayskoy sredney shkole. – Khukh-Khoto: izd-vo obrazovaniya Vnutrenney Mongolii, 1980. – 194 s.].
15. 刘伯奎. 俄罗斯文学讲座: 经典作家与作品(上)[D]. 曾思艺主编, 北京师范大学出版社, 1986:1076. [**Lyu Bokuy**. Lektsiya po russkoy literature: klassicheskiye pisateli i proizvedeniya / pod red. Tszen Sii. T. 1. – Pekin: Izd-vo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1986. – 1076 s.].
16. 茅盾. 伟大的现实主义者契诃夫—在首都各界纪念世界文化名人契诃夫大会上的讲话[J]. 戏剧报, 1960, 3: 45. [**Mao Dun'**. Chekhov, velikiy realist. Rech' na stolichnom s'yezde v pamyat' o Chekhove, mirovoy kul'turnoy lichnosti // Drama. – 1960. – № 4. – S. 4–5].
17. 韩法良. 《套中人》新辩[J]. 开封大学学报, 1999, 13(1): 34 – 38. [**Khan Falyan**. Novaya kritika o «cheloveke v futlyare» // Vestnik universiteta Kayfena. – 1999. № 1 (13). – S. 34–38].
18. 何丹. 契诃夫《装在套子里的人》文本接受研究[D]. 福建: 福建师范大学. 2016: 72. [**Khe Dan'**. Issledovaniye vospriyatiya teksta «Chelovek v futlyare» Chekhova: spetsial'nost': 44.04.01 «Prepodavaniye kitayskogo yazyka v sredney shkole»: dissertatsiya na soiskaniye stepeni magistra pedagogiki / Khe Dan'. – Futszyan', 2016. – 72 s.].
19. 何家槐. 读契诃夫《套中人》[J]. 语文学学习, 1954: 6–13. [**Khe Tszyakhuay**. Chteniye «Cheloveka v futlyare» Chekhova // Izucheniye filologii. – 1954. – № 8. – S. 6–13].
20. 钱志华, 谢华南. 《装在套子里的人》主题探幽[J]. 中学语文通讯, 1985, 11: 8–9. [**Tsyan' Chzhikhua, Se Khuanan'**. Analiz temy «chelovek v futlyare» // Yazykovaya perezpiska v sredney shkole, 1998. – № 11. – S. 8–9].

21. 钱理群、孙绍振、王富仁. 解读语文[M]. 福州: 福建人民出版社, 2010: 448. [**Tsyan' Litsyun', Sun' Shaochzen', Van Fuzhen'**. Interpretatsiya filologii. – Fuchzhou: Narodnoye izdatel'stvo Futszyan', 2010. – 448 s.].
22. 陈惇等. 外国文学史纲要[M]. 北京: 北京师范大学出版社, 1995: 453. [**Chen' Dun'**. Ocherk istorii zarubezhnoy literatury. – Pekin: izdatel'stvo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta, 1995. – 453 s.].
23. 于璩毅. 别里科夫悲剧性格辨析[J]. 黑龙江教育学院学报, 1994. 4: 57–60. [**Yuy Tsyuyi**. Analiz tragicheskogo kharaktera Belikova // Vestnik universiteta obrazovaniya Kheyluntszyana. – 1994. – № 4. – S. 57–60].
24. 杨凯. 中国的契诃夫研究[J]. 载于重庆大学学报(社会科学版), 2005, 11(6): 60–65. [**Yan Kay**. Issledovaniye proizvedeniy Chekhova v Kitaye // Vestnik Chuntsinskogo universiteta (Izdaniye sotsial'nykh nauk). – 2005. – № 6(11). – S. 60–65].
25. 杨华. 以佛式学说探索别里科夫性格形成原因[J]. 贵州教育学院学报(社会科学). 2004, 6: 50–61. [**Yan Khua**. Izucheniye prichin kharaktera Belikova s pomoshch'yu ucheniya Freyda // Vestnik gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta Guychzhou (Seriya «Sotsiologiya i nauka»). – 2004. – № 6. – S. 50–61].

Статья поступила в редакцию 12.01.2026 г.